
ИМИДЖ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

П. С. Гуревич

В статье анализируются новые реальности глобализации. Мировой кризис обострил конкуренцию между странами. Эксперты все чаще полагают, что культурно-цивилизационные особенности оказывают глубокое воздействие на исторический процесс. В статье отмечается, что в результате глобализации многие страны усилили свою мощь, говорится о возможностях создания нового имиджа России, о разрушении стереотипов, которые были порождены социальной практикой последних лет. Анализируются концепции З. Бжезинского, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса.

Поиски идентичности

Нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни – от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

Вместе с тем мировой кризис произвел огромные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержали испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

В наши дни глобалистская риторика подвергается серьезной критике. Активизировались и антиглобалисты. Обострился интерес к культуре как фактору социального развития. Кризис вызвал растерянность среди экономистов и политиков. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, отмечает, что

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-03-00780а/Р).

многие факторы, связанные с попытками преодолеть болезненные процессы современной ситуации, вообще находятся вне управления¹. Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Он приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о кризисе, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества и в конечном счете всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

Известный немецкий философ Юрген Хабермас в книге «Расколотый Запад»² размышляет о том, что сама идея европейской идентичности – вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было охватить в понятии европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры.

Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чем речь?

Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. С этой точки зрения насколько адекватен образ мирной Европы, которая позиционирует себя как открытую для других культур, как способную к диалогу?

По мнению Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно много значит опыт «укрощения капитализма». Но эта политика имеет свои пределы. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания»³. Этому смелому предположению противоречат, по-видимому, два факта. Первое. Не привели ли

¹ Комсомольская правда. – 2009. – 30 марта. – С. 6. (Komsomolskaya Pravda. – 2009. – March 30. – P. 6).

² Хабермас, Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008. (Habermas, J. The split of the West. – Moscow: Ves' mir, 2008).

³ Там же. – С. 43. (Ibid. – P. 43).

именно самые значительные исторические достижения Европы, их всемирное признание к тому, что она утратила свою создающую идентичность силу? Второе. Что должно объединять изнутри такой регион, где как ни в каком другом не прекращается соперничество множества сознающих себя наций?

В свое время Э. Гуссерль тоже ставил вопрос о том, что такое «духовный облик Европы». Может быть, это некая философская идея, которая пронизывает всю историю Европы? А не исключено, что это конкретное учение о предназначенности Запада, который на основе идей разума хочет строить свою историческую жизнь? Или это, наконец, просто набор неких ценностей, которые родились именно здесь, в Европе, и позволяют людям ощущать свое родство?

Если проследить исторические связи, то непрерывность хода истории поведет нас от немецкого народа к соседнему, от народа к народу, от эпохи к эпохе. В конце концов, оказавшись в античности, мы будем последовательно идти от римлян к грекам, египтянам, персам. Дорога к предыстории окажется бесконечной. Мы непременно окажемся в каменном веке и будем размышлять, что заставило множество человеческих и культурных типов слиться воедино.

Что же из европейской культуры, по мнению Хабермаса, распространилось из Европы на другие континенты? Христианство и капитализм, естествознание и техника, римское право и Кодекс Наполеона, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и общества. Выходит, эти достижения не являются сегодня исключительно европейской собственностью. «Западный образ мышления, коренящийся в иудео-христианской традиции, имеет определенные характерные черты. Но и этот духовный облик, отмеченный индивидуализмом, рационализмом и активностью, европейские нации разделяют с нациями Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Короче, “Запад” как духовный контур охватывает больше, чем только Европу»⁴.

Но как все-таки ощутить, что мы у себя дома? Может быть, вчувствоваться, например, в историю Индии с ее многочисленными народами и культурными формами? Там тоже единство семейного родства, однако чуждого нам. Со своей стороны, индийцы ощущают нас чужаками, признавая своими только друг друга. В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества.

Впрочем, можно ли думать, будто идентичность коренится только в общем сознании? Хабермас так не считает. Европа действительно состоит из национальных государств, которые дистанцируются друг от друга, соперничают и спорят. Национальное сознание, отчеканенное в национальном языке, национальной литературе и истории, долго действовало и как подрывная сила. Но немецкий философ склонен видеть в современном процессе не различия, а уже достигаемую общность. В ответ на разрушительную силу национализма сформировался, считает он, тот образец ориентации, который придает современной Европе с ее уникальным культурным многообразием, даже на взгляд неевропейцев, собственное лицо в нынешнем мире.

Глобализация и мультикультурализм

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто

---

⁴ Хабермас, Ю. Указ соч. – С. 44. (Habermas, J. Op. cit. – P. 44).

аналитическое обозначение реальных процессов, происходящих в мире. Однако уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феномены с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации приобретает несколько значений и служит нескольким целям. Некоторые исследователи толкуют о том, что не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого остались. Однако одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи вообще против этого процесса. Национальная специфика обнаруживает себя уже на уровне политики.

Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Эта мечта оживала в каждом поколении. Но идея равноправия культур и цивилизаций вызывает сегодня острую критику. Многие культуры утрачивают свою идентичность именно потому, что оказываются в жестких рамках мультикультурализма. Утрата такой идентичности несет угрозу обеднения. По этой причине рождается стремление сохранить и развивать этнические традиции. Внимание к локальным культурам порождает не только подъем интереса к самоидентификации европейских и неевропейских культур. В итоге обнаруживается даже полный отказ от интеграции культур.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества – цивилизации. Среди них, например, атлантическая (в которую входят Западная Европа и Северная Америка, иберо-латино-американская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская...). Так оценивал современную ситуацию недавно ушедший из жизни С. Хантингтон. Однако насколько правомерно говорить также и о евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует: при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества. В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Величайшая догадка просветителя Иоганна Гердера о единой судьбе всех народов натолкнулась на рифы.

В начале 70-х гг. группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне соприродны друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, о поисках межрелигиозного вселен-

ского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Ядро конкретной культуры обладает внутренней устойчивостью. Оно с трудом поддается переплавке. Французский постмодернист Ж. Бодрийяр по этому поводу отмечает, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, так и не попытавшись ни понять белых людей, ни поговорить, ни потолковать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не хотели никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на аборигенов. Они не восприняли ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках⁵. Но если говорить об общей тенденции, то нет уверенности в том, что уничтожение самобытности алакалуфов не станет фатальным и для белых. Культуры живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и своих ценностей.

В начале VII в. н. э. средиземноморский мир был христианским. Но уже через пятьдесят лет после хиджры – путешествия в Мекку, совершенного пророком, – полчища исламистов обрушились на южное побережье Средиземного моря. Сегодня повсюду можно легко заметить признаки возрождения ислама. На Филиппинах действуют исламистские сепаратисты. В Индонезии мусульманские войска сражаются с сепаратистами-христианами. От Палестины до Пакистана толпы людей на улицах рукоплескали разрушению Пентагона и уничтожению Всемирного торгового центра.

В Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустуют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживает 5 млн мусульман. А на территории Европейского союза в целом – от 12 до 15 млн. В Германии насчитывается 15 тыс. мечетей. Можно смело утверждать, что ислам вытеснил иудейство с позиции второй по распространенности религии в Европе. Мы наблюдаем самый настоящий «исламский прилив». В 2000 г. впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков.

Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не всегда по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинается террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, в век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного противостояния.

Анализируя процессы глобализации, мы чаще всего осмысливаем социальные, политические или религиозные истоки данных процессов. Но при этом мы редко

---

⁵ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – С. 198. (Baudrillard, J. The transparency of evil. – Moscow: Dobrosvet, 2006. – P. 198).

учитываем культурно-цивилизационные аспекты развития современного мира, которые, как показывают современные философские исследования, создают главную угрозу человечеству. Постмодернистская философия обратилась именно к этим сюжетам, настаивая на принципиальной ценности категории различия. Вообще говоря, данная концепция задолго до постмодернизма была разработана в культурфилософском наследии К. Леонтьева. Он отмечал, как важно для прогресса продвижение в сторону многообразия, а не унификации. Именно стирание культурных различий создает крайне опасную почву для тектонических сдвигов и исторических провалов.

В мире происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы. Глобализация грозит массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией.

Новейшие тенденции

Многие страны в результате глобализации увеличили свою мощь. Это прежде всего относится к старому Западу. В то же время глобализация в немалой степени способствовала усилению развивающихся стран: Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Началась новая индустриальная революция. На деле она привела к мгновенному перераспределению мирового ВВП. За пять лет Европа потеряла свои 1–2 %. Потери обнаружились и в США. Однако, несмотря на кризис, они происходят медленнее. Зато одновременно, словно грибы, растут новые экономические центры. Для таких смещений еще сравнительно недавно потребовалось бы более столетия.

Новая индустриальная революция превратила минеральные энергоресурсы в дорогой товар. Обострилась борьба за новые территории. Еще несколько лет назад американский социолог Э. Тоффлер, оценивая перемены в современном мире, утверждал, что основное противостояние будет пролегать в пространстве науки и технологий⁶. Он писал: «Знания сами по себе, следовательно, оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства»⁷. Если ценностью обладает только знание, почему же многие государства внезапно стали «драться» за Антарктиду, полагая, что там размещены неопределимые и пока неизвестные ресурсы? В наши дни 90 % ископаемых принадлежат государствам, на территории которых они залегают. При быстром росте мировой экономики в нее влилось около 2 млн людей. Кризис в то же время увеличил ряды безработных.

Обозначился и рост спроса на продовольствие. Достоинства аграрной стадии исторического развития, названной Тоффлером «первой волной», вновь обретают значимость. Земля, дающая продукты питания, неожиданно становится ценнейшим ресурсом. Исторические концепции, абсолютизирующие линейность социального процесса, утрачивают свою состоятельность. Оказывается, аграрная ста-

---

⁶ Тоффлер, Э. *Метаморфозы власти*. – М.: АСТ, 2001. (Toffler, E. *Metamorphoses of power*. – Moscow: AST, 2001).

⁷ Там же. – С. 40. (Ibid. – P. 40).

дия развития цивилизации не является анахронизмом.

Повысилась политическая активность населения. Жители Земли, еще недавно готовые обменять свою политическую индифферентность на экономическое благосостояние, теперь, напротив, рвутся к политической деятельности. Появляются новые игроки, участвующие в политике. Политизация замещает былую индифферентность масс. Мир оказывается на грани новых столкновений, многим странам в новой ситуации придется бороться за элементарное выживание. Если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отвращением к политике.

Еще три года назад в книге «Глобализация как постидеология» З. Бжезинский отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма. Лучшим свидетельством роли Америки в современном мире З. Бжезинский считал американскую массовую культуру, которая проникла во все уголки земного шара. Он писал о том, что повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции⁸.

Между тем известно, как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контрверза американизму вызвала к жизни даже определенный духовный стиль. Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры.

Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма».

С этой точки зрения глобализация – так, как она реализуется в современном мире, – обладает огромным разрушительным потенциалом. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но об утрате полярностей, без которых цивилизация мертва. Такое разведение полюсов было известно человечеству издавна. Расизм как идеология несостоятелен. Он не имеет оснований для своих биологических притязаний. Но он обнаруживает идеологический соблазн, который живет в ядре каждой структурной системы. Расизм выражает право на различие. Он противоречит тотальной гомогенизации мира. Стремление же стереть расизм до полного основания обернулось тем, что он принял мимикрические формы, явился в формах эксцентричных, агрессивных. Оказалось, что различию нет разумного основания. Это обнаруживает не только расизм, но и все антирасистские и гуманистические усилия, направленные на поддержку и защиту различия. На улицах Парижа появились молодые женщины из стран Магриба, прикрытые паранджой. Различие, разнесенное по всем уголкам земного шара, вернулось к нам в неузнаваемом облике – исламистском, расистском.

Говоря о глобализации, мы вынуждены сегодня признать, что некоторые народы только делают вид, что ведут западный образ жизни, хотя на самом деле

---

⁸ Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2006. (Brzezinski, Z. The choice: global domination or global leadership. – Moscow: International Relations, 2006).

никогда до конца не принимали и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они считают основополагающими свои собственные ритуалы. По этому поводу французский философ Жан Бодрийяр пишет: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов»⁹.

Бодрийяр считает, что ни Марокко, ни Япония, ни ислам никогда не станут западными. Европа никогда не станет Востоком. Европа никогда не заполнит пропасть, отделяющую ее от Америки. По его мнению, могущество Японии – это всего лишь форма гостеприимства, оказываемого технике и иным разновидностям современного стиля жизни. Но оно не сопровождается ни внутренним психологическим принятием, ни глубиной. Это гостеприимство в форме вызова, а не примирения или признания.

«Культура, – пишет Ю. Хабермас, – на протяжении многих столетий в большей степени, чем другие культуры, раздираемая конфликтами между городом и деревней, между церковными и светскими властями, конкуренцией между верой и знанием, борьбой между политическими властями и антагонистическими классами, в муках постигала, как объединить различное, институционализировать противоречия, стабилизировать напряженности. А признание различий – взаимное признание другого в его инаковости – может стать отличительной чертой общей идентичности»¹⁰.

Так-то оно так. Однако не идеализирует ли Хабермас фактическую общность европейцев? Если к Западу можно отнести США, то нельзя сказать, что отвержение французами массовой культуры США служит знаком грядущего единения. В той же мере после событий в Косово не обнаружилось и общего взгляда на интеграционные процессы. Если говорить о политической практике, то, возможно, немцев и французов воспринимают сегодня как европейцев, вне национальной окраски. Однако ядро любой культуры сохраняет свою стойкость независимо от того, в какой мере сблизились политические интересы.

Мы можем говорить о том, что в европейских странах процесс секуляризации продвинулся дальше, чем в других регионах мира. Европейские граждане подозрительно относятся к нарушениям границ между политикой и религией. Европейцы имеют больше доверия к организационным достижениям государства и его способности к управлению, но скептически относятся к результативности рынка в либеральном значении. Им присуще ясное осознание «диалектики просвещения». Иначе говоря, они осознают издержки и отрицательные последствия технического прогресса.

Как же, несмотря на эти попытки «сплотить» Европу, Хабермас приходит к идее расколотости Запада? Почему логика его рассуждений приводит к противоположному результату? Надо отметить, что многие политические традиции, пре-

⁹ Бодрийяр, Ж. Указ. соч. – С. 60. (Baudrillard J. Op. cit. – P. 60).

¹⁰ Хабермас, Ю. Коварство европейской цивилизации. – М., 2008. – С. 44. (Habermas, J. Cuning of the European civilization. – Moscow, 2008. – P. 44).

тендующие на авторитет как самобытные, были буквально изобретены. Что же касается европейской идентичности, то она с самого начала прошла через горнило сконструированности. Иначе говоря, она формировалась в итоге сложных противоречий и примирений. Но в этом случае можно говорить и о врожденном изъяне такой «всеядности». Разумеется, сам Хабермас в значительной мере понимает эту сложность проблемы. «Политическая нравственная воля, которая обнаруживает свою значимость в герменевтике процесса самопознания, – это не произвол. Выяснение различия между наследством, которое мы принимаем, и тем, от которого мы хотим отказаться, требует такой же осмотрительности, как и решение вопросов, связанных с толкованием текстов, которые мы осваиваем. Исторический опыт предлагает себя только для осознанного усвоения, он обязательно становится силой, формирующей идентичность»¹¹.

Хабермас считает, что Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право, ставящее ООН на грань кризиса и разрывающая связь с Европой. Вот, оказывается, что имеет в виду немецкий философ. Его книга пронизана антиамериканизмом. В результате американской политики разделились взгляды на мир, снизилась общая воля человечества к величественным усилиям народов достичь состояния цивилизованности. Но разве этот раскол не захватил Европу? Разве секрет, что многие европейские страны строили свою политику с оглядкой на США? Так что расколота Западом – вовсе не региональная проблема.

Книга немецкого философа соотносится со многими вызовами современной эпохи. Любопытно, что, по его мнению, терроризм после известных событий 11 сентября приобрел новое качество. «Новацией стала символическая мощь целей, которые подверглись атаке. Террористы не просто физически низвергли самые высокие небоскребы Манхэттена, они разрушили одну из икон в иконостасе сознания американской нации»¹².

К расколоте Западом имеет отношение и феномен фундаментализма. Этим понятием обычно обозначается духовная установка, которая настаивает на политической реализации собственных убеждений и догм даже в том случае, когда они не воспринимаются (и не могут быть восприняты) как всеобщие. В трактовке этого феномена Хабермас, по сути дела, смыкается с Н. А. Бердяевым, который давал положительную оценку фундаментализму. Обычно, когда речь заходит о фундаментализме, в сознании сами собой возникают представления о чем-то архаичном, об агрессивном вторжении в социальную динамику безнадежно устаревших навыков мысли и поведения. Нередко даже высказываются опасения, что эта культурная ориентация одушевляет тоталитаризм, фашизм, экстремизм. В этом смысле понятие наделяется заведомо негативным смыслом. Оно ассоциируется с эпатажными, зачастую эксцентрическими образами патриархальности, дикости и косности. Прогрессистски ориентированное сознание легко отторгает от себя подобные канонические установки.

Ю. Хабермас трактует фундаментализм иначе. Он в его книге становится синонимом сложившихся форм жизни. Все в мире, отмечает он, выглядит по-другому,

¹¹ Хабермас, Ю. Коварство европейской цивилизации. – С. 45. (Habermas, J. Cunning of the European civilization. – P. 45).

¹² Там же. – С. 12. (Ibid. – P. 12).

если мировой социум расколот на страны-победители и страны-потерпевшие поражение. То, что в Европе при благоприятном стечении обстоятельств можно было понять как процесс творческого разрушения, в других странах видится как бессмысленная, а в ситуации разобщенности поколений и неэффективная компенсация за боль, которую приносит распад привычных форм жизни¹³.

В книге показано, что пророческие учения, возникавшие в период осевого времени, были вплоть до наступления эпохи модерна *мировыми* религиями. «Универсализм» империй древности, периферия которых, если смотреть из центра, тянулась в бесконечности, создал мировым религиям с их исключительной претензией на общезначимость адекватный фон. Сегодня приходится иметь дело с утратой всеохватывающей перспективы мира. В результате сложные жизненные отношения в плюралистическом обществе нормативно можно соединить только со *строгим* универсализмом равного внимания и уважения к каждому – будь то католик или протестант, мусульманин или еврей, индуист или буддист, верующий или атеист.

Книга Хабермаса убеждает в том, что всякая идентичность, будучи значимой и необходимой, чревата коварством. Поэтому постоянная коррекция самоотождествления оказывается важнейшей задачей философии и политики.

Каков практический смысл этих рассуждений? Дело в том, что современный мир стремительно несется к однополярности, к унификации, к уничтожению культурных и цивилизационных особенностей народов. В результате в России был рост, но не было развития. Было выстраивание вертикали, но не было отлаженных горизонтальных связей. Имеется политическое действие, но нет действующих субъектов реальной политики. Есть промышленное хозяйство, но нет экономики как реального фундамента общества.

Но и в России многие представители общественности, средств массовой информации возвышают свой голос против диктата американской культурной продукции. Конкурентов Америки американский социолог Бжезинский рассматривает под углом зрения их фатальной разъединенности. Сошла, мол, с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на его экономические успехи, предстоит оставаться относительно бедной страной, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же, по его мнению, вообще больше не участник забега.

3. Бжезинскому не откажешь в строгой экспертизе. Его роль в политической и интеллектуальной жизни Америки велика. Его оценки – это кристаллизация огромного социального опыта и интеллектуальной выучки. Но иногда З. Бжезинский невольно переходит в тональность бытовой логики, простых, житейски наглядных рассуждений. Вот он задается вопросом: почему Америка не пользуется любовью всего облагодетельствованного человечества? Отчего, обладая глобальным политическим влиянием, США в то же время не вызывают симпатии во всем мире? Ответ Бжезинского по-домашнему прост: это зависть, это обычное негодование, переходящее в ненависть.

Такая экспертиза, возможно, удовлетворила бы любознательность тех, кто рад простой ссылке на неидеальную человеческую природу. Но ведь З. Бжезинский

¹³ Там же. – С. 17. (Ibid. – P. 17).

отдает себе отчет в том, что слепая вера американцев в собственную исключительность, имперские замашки, стремление навязать всем народам тот образ жизни, который кажется этой стране абсолютно идеальным, поучительно-проповеднический характер американской политики не могут не вызвать отрицательной реакции. Но когда автор книги начинает жаловаться на то, что традиционные соперники Америки почему-то подогревают антиамериканские настроения, тональность изложения становится просто курьезной.

Правомерно ли считать, что Россия выбыла из забега? Многие серьезные эксперты полагают, что именно мировой кризис при грамотной российской политике может содействовать неожиданному возвышению России. У нее хороший потенциал. Это и высокая образованность населения, и оборонная мощь. У нас огромная территория, которая сама по себе является нашим ресурсом. Существует мнение, что в современных условиях центром *морской* цивилизации являются США и Великобритания, центром *континентальной* – Россия. В силу ее географического положения – континентального связующего звена между Европой и Азией, Западом и Востоком – Россия выступает основой евразийской геополитической оси.

З. Бжезинский убежден в том, что если Америка отступит от своих принципов, то она утратит свое стратегическое верховенство в Евразии. Но З. Бжезинский не оценивает евразийский мир по серьезным лекалам. Он убежден в том, что временная сила Евразии – в популярности популизма. Разумеется, любой успех в политике связан с тем, насколько удастся лидеру завоевать симпатии широких масс людей. Но здесь ситуация гораздо более серьезная. Китай выдвигает себя на роль предполагаемого лидера Азии вовсе не из политиканских соображений. На Востоке действительно складывается серьезная геополитическая сила, которая будет оказывать влияние на мировую политику.

Новая роль России

Когда мы говорим об имидже современной России, мы учитываем прежде всего нынешние прогнозы мирового лидерства. Главной политической мировой силой лет через 15–20 лет станет не обязательно США. Это могут быть Китай или Индия. Таковы результаты социологического опроса, который проводился среди граждан 6 стран. При этом, согласно этому опросу, шансы России на мировое лидерство невелики. Опрос, проведенный французским институтом социологии «Harris Interactive» в США и пяти европейских странах, показал, что большинство опрошенных убеждены: в 2020 г. доминирующей силой в мире будет Китай или США.

Оценки будущего различаются в разных странах. Так, в США 40 % опрошенных ставят на Америку, 24 % – на Китай, 4 % – на объединенную Европу, по 2 % – на Индию и Японию. 1 % американцев считают, что в 2020 г. «законодателем мод» в мире будет Россия. В Великобритании 32 % ставят на США, 28 % – на Китай и лишь 4 % – на объединенную Европу. В Германии 30 % выступают за мировое господство США, 25 % – за Китай, 14 % – за Европу, пишет «Washington Profile». Большинство жителей Франции, Италии и Испании придерживаются мнения, что через 13 лет миром будет править Китай. Так считают 47 % французов, 38 % итальянцев и 45 % испанцев. Больше всего оптимистов по поводу буду-

щего России проживает в Великобритании и Германии. По 3 % опрошенных этих европейских стран уверены, что к 2020 г. столицей мира станет Москва. Сомневающиеся в будущей мощи России живут в основном в Италии, Франции и Испании.

При этом большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считают Россию больше партнером, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видит в России прежде всего конкурента. Китай подавляющее большинство респондентов всех стран считает реальным конкурентом. И в то же время именно Китай попал на вторую (после США) позицию в списке «самых-самых». Статус супердержавы за будущей Поднебесной признали 93 % французов, 90 % американцев, по 87 % немцев и британцев, 88 % итальянцев и 86 % испанцев.

Что касается Российской Федерации, в общем зачете она получила бронзу. Причем наибольшее количество людей, уверенных в могуществе России, согласно прошлому опросу, проживает в Германии – супердержавой нашу страну назвали 88 % немцев. В Италии таких респондентов чуть меньше – 87 %. Также признают Россию влиятельной страной 85 % французов, 83 % американцев, 82 % британцев и 78 % испанцев.

По расчетам российских ученых, к 2020 г. на второе место в мире по всем показателям должен выйти Китай. Также достаточно быстро растет Индия. Речь может идти и о Бразилии, ЮАР, Японии и некоторых других странах. ЕС тоже может стать самостоятельным центром силы. Экономический потенциал Европы достаточно большой. Она тоже может оказаться на третьем месте по этому показателю, но не по политическому весу. Параллельно идет усиление нескольких государств, и надо смотреть, как будут развиваться события. Не очевидно, что Россия будет всех их опережать. Позиция первенства останется за США, – уверен эксперт, – но если сейчас они подавляют остальные страны, то к 2020 г. принципиальное отношение изменится. Они будут самыми сильными из остальных, но будут вынуждены прислушиваться к другим странам.

Россия стремится построить действительно современную и мобильную экономику. В России есть немало стабильных и надежных секторов, которые доказали самое позитивное влияние на ход развития всей мировой экономики. В первую очередь это энергетические ресурсы. Сейчас, когда нестабильность в мире напрямую отражается на мировых рынках, Россия по-прежнему остается надежным и предсказуемым партнером – поставщиком нефти и другого энергетического сырья. Мы перестали надеяться на займы, живем по средствам и находим возможность платить внешние долги. Мир становится многополярным. Все более весомой оказывается роль России в международных делах. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, поскольку образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за последние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России нам не удастся реализовать исторические задачи.

Всякое усиление России многие зарубежные политики воспринимают как угрозу. «Взгляните на карту, – говорил мне один иностранец, – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-

то грозный кошмар?» Вряд ли можно сходу понять, откуда взята данная цитата. Она извлечена из работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»¹⁴. Россия действительно обладает сегодня огромной территорией. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания в XIX в., Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие имперские образования, не простирались на всю территорию Земли. Но вот в противоположность им Америка располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе. И раз США полагают себя хозяевами мира, то, несомненно, у этого стремления есть изнанка. Хочешь иметь лидерскую позицию – проводи мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику. Но главное – будь готов к неожиданностям, к срывам и бесконечным неудачам.

Со времени написания книги «Россия и Европа» прошло 140 лет. Однако ее основные идеи, на мой взгляд, сегодня актуальны. Данилевский размышлял о том, почему Европа не признает нас своими. Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что Запад следует рассматривать как полюс прогресса, а Азию – как полюс застоя и коснения. Он правомерно предлагал отличать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что эта была только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем»¹⁵.

Каковы перспективы России в изменяющемся мире? Как воспринимается сегодня ее нынешний имидж? Зарубежные эксперты все еще признают, что В. В. Путину удалось вернуть Россию в число держав, которые оказывают влияние на ход мировых событий. Россия находится в самом начале своего нового имперского цикла. Вместе с тем наша страна не видит необходимости навязывать свою волю и свои ценности остальному человечеству. Россию сегодня заботят внутренние проблемы. У нее нет оснований претендовать на роль абсолютного мирового лидера, как это характерно для США.

Глобализация обладает поразительной индифферентностью, когда речь идет о нациях. Она настойчиво стимулирует потребность в сырье, рабочей силе и квалифицированном менеджменте. Кто работает на предприятии – индус или бразилец, кто руководит фирмой – мусульманин или дзен-буддист, ей безразлично. Все остальные культурные особенности она воспринимает как анахронизм. «Боле того, – пишет А. Столяров, – глобальной экономике не требуется и сама Россия. Гораздо эффективнее был бы конгломерат крупных экономических латифундий, специализированных корпораций, напрямую включенных в мировое экономиче-

¹⁴ Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 23. (Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe. – Moscow: Book, 1991. – P. 23).

¹⁵ Данилевский, Н. Я. Указ соч. – С. 124. (Danilevsky, N. Ya. Op. cit. – P. 124).

ское пространство. Причем внутри корпорации вполне может поддерживаться декоративная русскость. Как японские служащие поют хором гимн фирме, с которой они заключили долгосрочный контракт, так русские служащие или рабочие могут, если потребуется, иметь национальный дресс-код: ходить в лаптях, с бородами, подпоясанные веревкой, есть в столовой щи, кашу, пить сбитень (сваренный малайцами из банановой кожуры), участвовать в коллективных молениях по православному обрядам»¹⁶.

В таком контексте стремление России занять достойное место в изменяющемся мире требует создания нового имиджа страны. В мировом общественном сознании наша держава воспринимается через призму давно устаревших стереотипов. Новый образ России не возникнет стихийно, сам по себе. В этом отношении нужны серьезные усилия – экономические, политические, психологические, социальные.

---

¹⁶ Столяров, А. Моральный бренд // Литературная газета. – 2009. – № 12–13. – С. 4. (Stolyarov, A. Moral brand // Literary Newspaper. – 2009. – No. 12–13. – Page 4)